

УДК 008(58)

Видимая и невидимая реманантная память номадской культуры пространства постсоветских городов

Катрин Пужоль

доктор исторических наук, профессор, директор обсерватории постсоветских государств в INALCO (Национальный институт Восточных Языков и Цивилизаций). Франция 75013 г. Париж, 65 rue des Grands Moulins, CS 21351. E-mail: catherine.poujol@inalco.fr.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования постсоветских (а именно, Центрально-Азиатских) городов, принципы мышления тех, кто определяет образы городов в данном регионе. Особенно автора интересует вопрос относительно того, существует ли постномадская память и как она отражается в архитектуре таких городов, как Астана, Алматы, Ташкент, Ашхабад. **Ключевые слова:** реманантная память; культура номадов; г. Астана; постсоветские города Центральной Азии.

Память пространства: самый надежный хранитель истории «длительного времени» в Центральной Азии. В данной статье раскрывается роль невидимой реманантной памяти номадической культуры через осмысление особенностей освоения пространства постсоветских городов-столиц. Например, Астана – не Улан-Батор, в котором в бытовых юртах проживает больше, чем 600 000 жителей⁹.

Гуманитарная наука, так называемая антропология пространства, способна отыскать следы реманантной «номадской грамматики», практики освоения пространства, совершенно специфичной для, так называемых, постномадских государств, таких, например, как Казахстан или Туркменистан.

Нет сомнения, что номадизм, как социо-экономическая модель развития, либо давно исчез у народов Евразии, либо сохранился частично. Переход к оседлости, модернизация и урбанизация в течении 20 века глубоко изменили вековой диалог коренного населения со своим пространством, и, в том числе, восприятие городского пространства, которое трансформировалось от места убежища до местожительства. Вспомним изречение итальянского писателя Итало Калвино: «Придёт ли в голову человека, который долго ездил верхом, идея города?» (Calvino 1996).

Подход урбанистов, архитекторов, планификаторов - даже президентов, к городу, сама «идея города», принципы его застройки вытекают из следующих факторов:

- изобилие пространства Евразийских степей (в противоположность тому, что имеется во всех неевразийских мегаполисах или столицах мира);
- влияние географических, резких климатических условий степей требует наличия всех видов транспорта, а не только пешеходного передвижения, как у номадов (имеется в виду, что из-за экстремальных температур невозможно долго задерживаться в пути зимой или летом);
- принцип приоритета движения между сложенными единицами;
- принцип приоритета функциональности, иерархизации в выборе места новостроек и приоритет идеологии «города-зеркала» над формой, экологией, нормой;
- принцип полицентричности города (новый город растёт не от исторического центра, как в Европе, а из разных периферий (квартал «перспектив власти», или «Ривгош», новая площадь возле новой мечети в Астане), после того, как опреде-

⁹ «длительное время» понятие Ф. Брауделя.

лен новый центр власти (Акорда, например));

- как результат полицентризма, размножение возможных пространств внутри периметра города (Musch 2008).

1. «Город-зеркало», или постсоветская архитектурная театрализация суверенности. Независимые государства без колебаний сделали свои столицы театром демонстрации своего нового суверенитета с помощью архитектурного языка. Неудивительно, что это одни из самых привлекательных для исследователей объекты и формы более чем за 20 лет. Города выступают опорами национальной идентификации как для внутреннего пользования, так и для самоутверждения на международной арене.

Известный факт, что в «городской лексике» столиц бывших союзных республик Центральной Азии – в г. Астане (новой столице Республики Казахстан с 1997 года), в г. Алматы, в г. Ашхабаде, в г. Ташкенте появились многочисленные новостройки в стиле постмодерна. Однако, несмотря на разные стили в тенденции урбанизма XXI века в Центральной Азии, будь то архитектурное единообразие (г. Ашхабад), или эклектизм (г. Астана, г. Алматы, г. Ташкент), идея одна: произвести впечатление.

Утверждение политической власти путем модификации городского облика не является новшеством для данного региона, как, впрочем, и для других стран (Fenot, Gintrac 2005). Еще в конце XIV века Тамерлан повелел написать на фасаде мавзолея в Шахрисабзе близ Самарканда следующую фразу: «Если вы сомневаетесь в моем могуществе, посмотрите на мои сооружения».

Несколькими веками позже, чтобы управлять своими новыми завоеванными территориями в Азии, царская колониальная власть основала населенные пункты, где тесно переплетались характерные черты европейских городов с местным национальным колоритом.

Советский Союз ещё более решительно подчинил политику градостроительства своей идеологии.

В плане урбанизации обе системы (колониальная и советская) имели сходство. Это проявлялось, например, в явном предпочтении широких дорог и бульваров, пышных площадей, фонтанов, памятников, в демонстрации мощи власти и убедительности политической идеологии.

Явно, что баланс между пустыми и обустроенными зонами был совершенно под контролем власти, и, то, что центральноазиатский город не был совсем похож на европейский, оведало принципам застройки европейских старых городов, построенных от исторического центра в сторону периферийных пригородов. Как только менялся курс истории, с ним менялся только исторический центр. Так, сквер Амир Тимура был эпицентром колониального города Ташкента, тогда как площадь Ленина являлась уже эпицентром Советского Ташкента. Радиальная урбанизация отвечала на идеологическим требованиям и соответствовала существующим нормам.

Менялся также и подход к городским насаждениям деревьев (данная тема раскрывается в еще одной моей статье) с желанием царской и, затем, советской власти засадить пространство миллионами деревьев, тогда как номады традиционно относились к деревьям как средству для обогрева и приготовления пищи (Poujol 2013).

2. Постройки vs пустые места. Многие историки, политологи, антропологи исследуют видоизменения городской архитектуры, развитие культуры пространства постсоветских городов, в том числе, в их утопической интерпретации (Shukovich 2010). За рамками исследований остается пространство как таковое,

и особенно, пространство между зданиями, зоны озеленения, пустые места. Исключение составляют исследования моего коллеги и друга Жана Поля Лубе, архитектора и антрополога пространства, специалиста Хинзяна (Loubes 2008).

Являются ли данные бесчисленные пространства эндемически косвенными результатами программ построек во всех городах мира или это только операторы урбанизации (по словам чилиского архитектора Жонаса Фигероа)? Вопрос состоит в том, что они рассказывают нам об отношении власти к самой идее городской архитектуры – содержательной, образной, «унаследованной»: начиная с райского сада мусульман из долин, представляющих собой наследие средневековых представлений о *tcharbag*, (четыре сада), до сада-здания в геометрической форме, в котором размещены современные престижные жилища.

Таким образом, изменения в лице городов как результат освоения пустого пространства, или наличия недостроенных зеленых зон вызывают недостаточный интерес среди специалистов, хотя такие изменения значимы и помогают понять собственную историю, представления о том, каким должен быть город в реликтах неактуализированной памяти.

Размышляя об ультрацентрах, независимых столицах – г. Астане, г. Ашхабаде или г. Ташкенте, впору задаться вопросом о моделях, применяемых в построении сооружений и общественных зеленых зон.

Тут возникает вопрос: такой вид организации зелёных мест или неосвоенных пространств есть сознательный выбор заботливых оседлых архитекторов-пейзажистов? Являются ли они результатом сознательного (или неосознанного) планирования, управления, которое демонстрирует искусство «Живого», «зелёного города», абсолютного управления полной или пустой природой, великолепия и величия власти? Или наоборот, это сублимированное проявление пост-номадической памяти в форме уже немобильных, высоких многоэтажных «юрт», при сохранении условных пропорций организации пространства между разными объектами?

3. Существует ли постномадическая память? Можно ли найти следы номадической топографии в г. Астане? Ответить на этот вопрос помогут межкультурные и междисциплинарные исследования новых стилистических гибридных моделей структурирования городского пространства. Структура городского пространства ранее кочевой Центральной Азии, подсознательно сохраняет некоторые «ценности кочевого образа жизни», историческая память данного региона наряду с иными схранила и номадические традиции, как это будет рассмотрено дальше.

Достаточно легко увидеть следы постномадической памяти в архитектуре таких городов, как г. Астана или г. Ашхабад, так как переход от номадического аула до современной столицы охватывает лишь 2 историко-культурных пласта: наследие урбанизма колониальной и Советской властей в «подсознательном» (бессознательном) городском планировании.

Тем не менее, если сравнить г. Ашхабад и г. Астану с г. Ташкентом, мы можем найти следы того, что могли бы назвать «неосязаемая память кочевой культуры пространства».

Сама структура квартала «Ривгош» г. Астаны в своей величественной и иерархической компоновке с современными и прочными формами напоминает императорский город-стан Чингиз-хана, с большой белой палаткой в качестве координационного центра власти, окружаемый великолепным садом, с разными министерствами далее в середине, и к концу – с министерством нефти и газа, как базовой подпитки. Сразу же за ним «Хан Шатыр» – самый крупный торговый

комплекс города. В противоположной стороне стоит пирамида межэтнического, межконфессионального согласия как символ духовных ценностей, на которые опирается власть. В этом случае, можно сказать, что номадическая цивилизация сама не создала понятия городского пространства. Например, Монголы, строя свою столицу, скорее всего, заимствовали у Китайцев «трассировку Жу» (Loubes 1998). Здесь идёт речь о заимствовании существующих традиций. Так, и ставка номадов следует китайской модели разбивания своих «палаток».

Другой пример – Ташкент, по историческим и культурным причинам, в том числе, влиянием традиций исламского концентрического урбанизма типа «медины», представляет собой более концентрированную архитектурную ткань, тогда как новые центры - Астана и Ашхабад можно рассматривать как состоящие из архитектурных объектов, разбросанных в огромном пространстве городских зеленых насаждений.

Что тогда является специфично номадическим?

Цитируя французского философа Жюлья Делеза, можно сказать, что «Пространство ценится только ради перемещения. Необходимость движения с одного конца города до другого, существование разных центров, назначение мест по их употреблению – все эти черты относятся к номадическим видам освоения пространства, даже если у жителей Астаны остаются в душе субъективные, если не отрицательные самопредставления о их бывшей номадической культуре, вплоть до синдрома или комплекса неполноценности, глубоко закопанного под социалистическим воспитанием преимущества городского модернизма над устаревшими «средневековыми» традициями.

Факт, что город Астана имеет несколько разных центров, так же может относиться к следам реманантной номадической памяти. Для номадов существовало понятие центральной юрты, от которой начинался счет окружающего пространства. Может быть, осталась эта черта и в планировке новых кварталов Астаны, где каждое новое престижное здание имеет ориентацию на центр (Musch 2008). И наконец, в жилых кварталах где есть частные дома, легко увидеть наследие номадической памяти в плане устройства пространства - внутри дома, организации места для почётных гостей, входа дома, и так далее (этот вопрос не является предметом специального рассмотрения в данной статье) (Loubes 2005).

Наконец, что касается специфической организации пространства в городах Центральной Азии, то существующий пространственный тип – кош (городское пустое место), характерный, например, для городов Бухары, Самарканда, адаптирован сегодня в городах Хинзианга.

Заключение. Конечно, Астана самая молодая столица в регионе. Она растёт такими темпами, что трудно представить сегодня, как она будет выглядеть через 20 лет. Может быть, этот эффект «посева престижных построек в большом саду» со временем исчезнет, и городская «ткань» будет совсем густой. Но время есть. Пока ещё чувствуются проявления степи внутри самого города, и её могучей силы за его пределами. Но может быть вклад таких новых столиц как Астана, Бразилиа, Анкара в мировую историю городов - это совершенно другой подход к организации пространства. Здесь идея освоения урбанистского периметра более свободна, чем на Западе или в Японии, в Китае (по разным причинам), здесь присутствует принцип полицентризма городов, иерархия пространства (конечно, без пренебрежения к перифериям).

К описанию города номадов можно применить понятие «гибкого города» (Deleuze, Guattari 1980), который организован как «интермеццо», «промежу-

точная станция », где пространство между двумя пунктами имеет полную автономию (Deleuze, Guattari 1980), где царит «колеблющаяся центральность» (Laguarda 2006), и где сама линия соприкосновения бывшего города с новыми периферийными кварталами составляет центр.

Наконец, динамичность постномадического города частично отражает способность номадов адаптироваться к суровым природным условиям. И последнее, постоянное перемещение между городами Астана-Алматы во время week-end не является ли современным видом постномадизма?

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Шукович Б. Европейские утопии в Средней Азии (на примере градостроительного 21 ого века) // Boom-Boom 2008 : the 4th Bishkek International Contemporary Art Exhibition. - Bishkek: ArtEast, 2010. - P. 140-144.
2. Calvino I. Les villes invisibles. - Paris: Seuil, 1996.
3. Capus G. Le Royaume de Tamerlan. - Paris: A. Hennuyer, 1892. - 50 p.
4. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie 2, Mille Plateaux. - Paris: Les Editions de Minuit, 1980. - 471 p..
5. Fenot A., Gintrac C. Achgabat, une capitale ostentatoire : autocratie et urbanisme au Turkménistan. - Paris, 2005.
6. Laguarda A. Introduction à L envers des villes : voyages d architectes, inventions du monde. - Paris: Sujet/Objet, 2006.
7. Loubes J-P. Architecture et urbanisme de Turfan. - Paris: L'Harmattan, 1998. - 55 p.
8. Loubes J-P. La mémoire de l'architecture nomade dans la maison d'Asie centrale // Le métissage interculturel (dirigé par C. Villanova et G. Vermès), L'Harmattan, 2005.
9. Loubes J-P. L'invention du style néo-uyghur // Etudes orientales. - 2008. - N°25.
10. Musch T. Espaces nomades bouriates, l'éleveur face à ses environnements en Sibérie et en Mongolie. - Paris: Harmattan, 2008.
11. Poujol C. Les enjeux du végétal dans l'espace urbain centrasiatique, entre patrimonialisation et destruction : une lecture politique de l'économie des espaces vers // Patrimoine & architecture dans les Etats postsoviétiques. - Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. - P. 91-111.
12. Ter Minassian T. Erevan // La construction d'une capitale à l'époque soviétique. - Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007.

References

- Calvino 1996 - Calvino, I 1996, *Les villes invisibles*, Seuil, Paris. (in Fra).
- Capus 1892 - Capus, G 1892, *Le Royaume de Tamerlan*, A. Hennuyer, Paris, 50 p. (in Fra).
- Deleuze, Guattari 1980 - Deleuze, G, Guattari, F 1980, *Capitalisme et schizophrénie 2, Mille Plateaux*, Les Editions de Minuit, Paris, 471 p. (in Fra).
- Fenot, Gintrac 2005 - Fenot, A, Gintrac, C 2005, *Achgabat, une capitale ostentatoire : autocratie et urbanisme au Turkménistan*, Paris. (in Fra).
- Laguarda 2006 - Laguarda, A 2006, *Introduction à L envers des villes : voyages d architectes, inventions du monde*, Sujet/Objet, Paris. (in Fra).
- Loubes 1998 - Loubes, J-P 1998, *Architecture et urbanisme de Turfan*, L'Harmattan, Paris, 1998, 55 p. (in Fra).
- Loubes 2005 - Loubes, J-P 2005, *La mémoire de l'architecture nomade dans la maison d'Asie centrale, Le métissage interculturel* (dirigé par C. Villanova et G. Vermès), L'Harmattan, 2005. (in Fra).
- Loubes 2008 - Loubes, J-P 2008, *L'invention du style néo-uyghur, Etudes orientales*, No 25. (in Fra).
- Musch 2008 - Musch, T 2008, *Espaces nomades bouriates, l'éleveur face à ses environnements en Sibérie et en Mongolie*, Harmattan, Paris. (in Fra).
- Poujol 2013 - Poujol, C 2013, *Les enjeux du végétal dans l'espace urbain centrasiatique, entre patrimonialisation et destruction: une lecture politique de l'économie des espaces vers, Patrimoine & architecture dans les Etats postsoviétiques*, Presses universitaires de Rennes, Rennes, P. 91-111. (in Fra).
- Shukovich 2010 - Shukovich, B 2010, *Evropejskie utopii v Srednej Azii (na primere gradostroitel'nogo 21 ogo veka)», Boom-Boom 2008 : the 4th Bishkek International Contemporary Art Exhibition*,

ArtEast, Bishkek, P. 140-144. (*in Rus*).
Ter Minassian 2007 - Ter Minassian, T 2007, Erevan, *La construction d'une capitale à l'époque soviétique*, Presses universitaires de Rennes, Rennes 2007. (*in Fra*).

Посткеңестік қалалар кеңістігінің номадтық мәдениетінің көрінетін және көрінбейтін реманантты жады

Пужоль Катрин

тарих ғылымдарының докторы, профессор, посткеңестік обсерватория директоры, INALCO (Шығыс Тілдері мен Өркениеттері Ұлттық институты) 75013 Франция, Париж қ-сы, 65 rue des Grands Moulins, CS 21351. E-mail: catherine.pujol@inalco.fr.

Түйін. Мақалада посткеңестік (нақтырақ айтқанда, Орталық Азия) қалаларының қалыптасу ерекшеліктері, осы аймақтағы қалалардың образын айқындаушылардың ойлау ұстанымдары жайлы сөз болады. Авторды постномадтық жадының бар екендігі және оның Астана, Алматы, Ташкент, Ашхабад тәрізді қалалардың архитектурасында көрініс табуы мәселелері ерекше қызықтырады.

Түйін сөздер: реманантты жад; номадтар мәдениеті, Астана қ-сы; Орталық Азияның посткеңестік қалалары.

Visible and invisible remnant memory of nomad culture in post-Soviet city area

Pujol Catherine

Doctor of History, professor, director of observatory of the post-Soviet states, INALCO (National Institute of Oriental Languages and Civilizations). 75013 France, Paris, 65 rue des Grands Moulins, CS 21351. E-mail: catherine.pujol@inalco.fr.

Abstract. The article deals with the peculiarities of formation of the post-Soviet cities (namely, Central Asian), thinking principles of those who determine the images of cities in this region. The author is especially interested in the question of whether there is post-nomadic memory and how it is reflected in the architecture of cities such as Astana, Almaty, Tashkent, Ashgabat.

Keywords: remnant memory; nomad culture; Astana; post-Soviet Central Asian cities.